

Валерий Стрижов

**КОЛДУН.
ПУТЬ РУН**

Валерий Стрижов
КОЛДУН. ПУТЬ РУН

«Автор»

2026

Стрижов В.

КОЛДУН. ПУТЬ РУН / В. Стрижов — «Автор», 2026

Он проснулся от того, что потолок над кроватью светился. Не лампа — потолок сам по себе источал ровное золотистое свечение, пульсирующее в такт его сердцу. Михаил сел, провёл рукой по лицу — пальцы дрожали. Третий раз за неделю.

© Стрижов В., 2026

© Автор, 2026

Валерий Стрижов

КОЛДУН. ПУТЬ РУН

КОЛДУН. ПУТЬ РУН.

Колдун. Пробуждение

Пролог

Он проснулся от того, что потолок над кроватью светился.

Не лампа — потолок сам по себе источал ровное золотистое свечение, пульсирующее в такт его сердцу. Михаил сел, провёл рукой по лицу — пальцы дрожали. Третий раз за неделю.

— Ты не спишь, — сказал голос. Не в ушах — внутри головы, как будто мысль, но чужая.

— Кто ты? — спросил Михаил шёпотом, хотя в квартире никого не было.

— Мы смотрели на тебя долго. Теперь пришло время.

Свечение на потолке собралось в точку, капнуло вниз, повисло в воздухе. Михаил сжал край одеяла. Точка росла, превращаясь в шар, шар — в подобие человеческого силуэта, сотканного из мёда и заката.

— Ты готов? — спросил силуэт.

— К чему?

— Вспомнить, кем ты был. И стать тем, кто ты есть.

Михаил хотел сказать «нет», но вместо этого услышал собственный голос, сухой и спокойный:

— Да.

Глава 1. Последний из рода

Бабушка умерла, когда Михаилу было двенадцать. Он запомнил её руки — сухие, в синих прожилках вен, но сильные. Она держала его за плечи, смотрела прямо в глаза и говорила:

— Ты не такой, как все, Миша. Не потому, что лучше. Потому что кровь старая. Очень старая.

Он не понял тогда. Решил, что бабушка просто умирает и мелет вздор. Мать тоже так решила — увезла его из деревни в город, сожгла все бабушкины вещи на заднем дворе, а маленький мешочек с деревянными пластинками, на которых были вырезаны странные знаки, закопала в огороде.

— Не нужна нам эта чертовщина, — сказала она.

Михаил не спорил. Через два года мать заболела, и он впервые задумался: а что, если бабушка была права? Что, если есть что-то, что можно было сделать, знай он — как? Чем помочь, когда врачи разводят руками, а тело тает на глазах?

Он не успел узнать. Мать умерла. Михаил остался один. Учился, работал, строил жизнь, которая казалась правильной — квартира в центре, должность в IT-компании, девушка с длинными волосами и правильными планами на совместное будущее. Ничего сверхъестественного.

До той ночи.

Сначала — сны. Чёрная вода, в которой отражались звёзды. Древний старик, сидящий у костра, перебирающий деревянные пластинки. Он звал Михаила по имени, но имени того, которого Михаил не помнил. Что-то вроде «Кенназ» — «Факел», как потом перевёл он сам.

Потом — знаки. На работе монитор дважды мигнул, и на чёрном экране на долю секунды проявилась руна — туда и сразу обратно, как будто кто-то пошутил. Но системный администратор клялся, что ничего странного в коде не было.

Потом — ощущение. Постоянное, на грани восприятия, чьё-то присутствие. Кто-то стоял за спиной, когда он пил кофе. Кто-то дышал в такт, когда он засыпал. Кто-то ждал.

И вот теперь — золотистый силуэт в спальне.

Это был старик из снов. Только теперь Михаил узнал его. Дедушка. Тот, кто исчез задолго до его рождения. Тот, о ком бабушка говорила шёпотом: «Он ушёл в лес и не вернулся. Лес его забрал».

— Я не уходил, — усмехнулся старик. — Меня забрали. А теперь я вернулся, чтобы научить тебя. Садись, внук. Разговор будет долгим.

Глава 3. Учитель

Они сидели в поле, которого на самом деле не было. Михаил понимал, что физически он всё ещё в огороде, среди бурьяна, с рунами в руках. Но другой частью сознания он был здесь — в месте, пахнущем дымом и мятой, у костра, напротив деда.

— Это не сон, — сказал дед. — И не явь. Это между. Руны открыли тебе щель в пространстве. Теперь мы можем говорить, пока ты держишь их.

— Что со мной происходит? — спросил Михаил.

— С тобой происходит то, что должно было случиться ещё двадцать лет назад. Ты — потомственный колдун. Не шарлатан из телевизора, не маг в мантии. Колдун. Тот, кто видит нити реальности и может их переплести.

Михаил хотел засмеяться, но в груди всё ещё горело тепло, а руны в руках пульсировали, и смех не получался.

— Бабушка была колдуньей?

— Великой. Она могла остановить бурю одним словом, заговорить кровь, вылечить то, что врачи называли безнадежным. Но она не передала тебе знание, потому что боялась. Время было другое — советское, безбожное. За колдовство — срок. А ты был ребёнком. Она решила, что пусть лучше ты вырастешь обычным человеком, чем будешь рисковать.

— Но риск всё равно есть, — заметил Михаил.

— Потому что сила не умирает. Она ждёт. Дремлет в крови, в костях, в тех узлах ДНК, которые наука называет «мусорными». Просыпается, когда приходит время. А сейчас время пришло.

— Почему сейчас?

Дед посмотрел на огонь, помешал палкой угли.

— Потому что мир меняется. Ты это чувствуешь? Тяжесть в воздухе, странные сны, внезапные совпадения? Планета входит в новую полосу. Те, кто могут видеть, должны действовать. А ты, внук, видишь. Уже видишь.

Михаил вспомнил девушку в метро, её чёрный сгусток на горле.

— Я вижу болезни?

— Ты видишь блоки. Препятствия для течения жизненной силы. Умение видеть — первый шаг. Второй — убирать. Но этому я научу тебя позже. Сначала — руны. Двадцать четыре ключа, двадцать четыре силы, двадцать четыре грани твоего сознания. Ты должен их пробудить. Все.

— Сколько времени это займёт?

— Ты спешешь? — улыбнулся дед. — Времени у нас — вся жизнь. Но если ты хочешь номер, скажем так: год. Не меньше. И запомни: последовательность нельзя нарушать. Каждая руна готовит тебя к следующей. Пропустишь что-то — порвёшь нить, и тогда придётся начинать заново. Если вообще начнёшь.

Михаил сжал деревянные пластинки. Двадцать четыре. Двадцать четыре недели — почти полгода. Полгода жизни, перевёрнутой вверх дном.

— А моя работа? Девушка? Обычная жизнь?

Дед поднял на него глаза — выцветшие, но цепкие.

— Выбери, внук. Обычная жизнь или настоящая? И не говори, что не предупреждали.

Глава 4. Первая кровь

Михаил уволился через неделю. Не сразу — сначала думал, прикидывал, как совместить. Но руны не терпели двойной жизни. Каждый вечер, возвращаясь с работы, он чувствовал их голод — пластинки требовали внимания, времени, силы. Он пытался медитировать с ними по утрам, но мозг уже был занят рабочими задачами, и контакт не получался. Дед во сне был недоволен:

— Ты пытаешься пить из двух рек сразу. Ничего не выйдет.

Девушка ушла первой. Не из-за рун — она просто не поняла, почему он стал рассеянным, почему перестал мечтать о совместном отпуске, почему на её «давай съедемся» ответил невнятным «потом». Последний разговор был коротким.

— Ты изменился, — сказала она.

— Нет, — ответил Михаил. — Я стал собой. Таким, каким никогда раньше не был.

Она не поняла. Пожала плечами, забрала свои вещи, оставила ключи. Михаил не звонил, не писал. Он знал, что так надо. Дед говорил: «Колдун, у которого есть якоря в прошлом, не поднимется в будущее».

Остались только руны. И работа над ними — с кровью, потому что бабушкин мешочек давно потерял силу.

Первой была Феху. Михаил сам вырезал её на деревянной пластинке, сам покрасил выемки смесью краски и своей крови — ножом кольнул палец, выдавил несколько капель в маленькую баночку, смешал с алой тушью.

Когда руна высохла, он взял её в руки и почувствовал: да, это та самая. Сила духа. Она вошла в него не как гром, а как понимание. Тихое, глубокое: «Ты имеешь право. Ты имеешь силу. Ты можешь».

Всю неделю, пока он носил Феху с собой, мир подстраивался. Начальник, который подписал его увольнение, вдруг предложил работу на полставки — консультации удалённо. Деньги, которых хватало на еду и аренду, появились из неожиданного заказа на фрилансе. Даже погода как будто смягчилась — дожди прекратились, выглянуло солнце.

Но были и тени. Ночью Михаил просыпался от тяжести на груди — кто-то давил, мешал дышать. Он пытался кричать, но голос не слушался. Потом давление отпускало, и в углу комнаты мелькала тень — слишком чёрная, слишком плотная.

— Это плата, — объяснил дед во сне. — Сила не приходит даром. Когда ты пробуждаешь руну, ты заявляешь миру о себе. Мир отвечает. Испытание страхом — самое первое и самое простое. Не бойся, и тень уйдёт.

На третью ночь Михаил не стал ждать, пока давление начнётся. Он сам лёг на спину, закрыл глаза и сказал в темноту:

— Приходи. Я не боюсь.

И тень пришла. Сгустилась над кроватью, навалилась всей своей невесомой тяжестью. Но Михаил не сопротивлялся. Он дышал ровно, смотрел на тень и повторял про себя: «Феху. Феху. Сила духа».

Тень задрожала, зашипела — и лопнула, как мыльный пузырь.

В ту же ночь приснился самолёт. Михаил сидел в кабине, сам вёл штурвал, взлетал, набирал высоту. Автопилот не понадобился — он справился сам.

— Хорошо, — сказала Эмилия из кресла второго пилота. — Ты справился с первым страхом. Но впереди их будет много.

— Знаю, — ответил Михаил, глядя на облака под крылом.

Глава 5. Поток

Уруз стала второй. Её имя он узнал из старой книги, найденной на развале — потрёпанный томик о скандинавских рунах, изданный ещё в девяностые. Автор, женщина с незнакомой фамилией, писала странно: не как исследователь, а как практик. «Руна Уруз — это мощь,

которая действует. Она пробуждает жизненные силы. Будьте осторожны: если Феху не готова, Уруз сожжёт».

Михаил был готов. Или ему так казалось.

Он вырезал руны, окрасил, освятил кровью. И на следующий день проснулся в пять утра с ясной головой и нечеловеческой энергией. Всё, что откладывалось месяцами, сделалось за один день: уборка, бумаги, мелкие дела, звонки. К вечеру он чувствовал себя так, будто только что проснулся — ни следа усталости.

Три дня он жил на трёх часах сна. Ел вдвое меньше обычного. Мясо хотелось постоянно — сырое, почти кровоточащее, хотя раньше он был почти вегетарианцем.

На четвёртый день понял, что сошёл с ума иначе, чем раньше: у него появилась одержимость. Одержимость делом. Не просто «хочется что-то сделать» — а «я должен, я могу, я сделаю».

Он написал деловое предложение бывшему начальнику — новую систему безопасности для серверов, основанную на нестандартном шифровании. Идея пришла в медитации, когда он крутил Уруз в воображении. Начальник удивился, но согласился рассмотреть. Через неделю проект одобрили, перевели предоплату. Денег хватило на год спокойной жизни.

— Уруз — это поток, — объяснял дед. — Если ты умеешь плавать, он несёт тебя к цели. Если нет — топит. Ты умеешь?

— Учусь, — ответил Михаил.

Глава 6. Туре

Третья руна была о намерении. Её звали Турисаз — или просто Туре, как иногда называли в книгах. Символ тернового шипа, великана, молота Тора. Руна, которая не терпит полумер.

Когда Михаил активировал её, у него начались проблемы со сном. Кошмары — не тени в углу, а чёткие, вязкие сны, где он бежит по лабиринту, а за ним гонятся люди без лиц. Просыпался в холодном поту, сердце колотилось.

— Это твои страхи, — объяснил дед. — Туре их вытаскивает на поверхность. Не бойся смотреть им в глаза. Они — не ты. Они — лишь тени того, кем ты мог бы стать, если бы сдался.

Михаил стал вести дневник. Записывал сны, расшифровывал символы. Лабиринт оказался прошлым — его детство в деревне, где он чувствовал себя чужим среди местных. Люди без лиц — одноклассники, которые дразнили «бабушкиным внуком», «колдунком». Страх оказаться изгоем преследовал его всю жизнь.

Туре показывал этот страх, чтобы Михаил его принял.

— Я был изгоем, — сказал он себе однажды перед сном. — И что? Теперь я сильнее. Я выбрал этот путь. Я иду по нему один. Это не наказание — это свобода.

В ту же ночь лабиринт исчез. Вместо него приснилось поле, открытое, бескрайнее. Михаил стоял на холме и смотрел на горизонт, где небо встречалось с землёй.

— Ты понял, — сказал дед. — Намерение — это не просто «хочу». Это «знаю, что сделаю». Теперь ты готов идти дальше.

Глава 7. Послание

Ансуз, четвёртая руна, пришла с информацией. Буквально — Михаил начал читать запоем, проглатывая книги по эзотерике, физике, нейробиологии. Всё, что попадалось под руку, казалось важным, связанным, имеющим смысл. Даже рекламные буклеты в почтовом ящике он разглядывал с подозрением — «а вдруг там знак?»

Дед посмеивался:

— Ансуз — руна Одина, руна знания. Она открывает канал. Информация будет литься рекой. Твоя задача — не захлебнуться.

Михаил решил, что лучший способ не захлебнуться — систематизировать. Он купил несколько толстых тетрадей, разлиновал, разделил на разделы: «Руны — теория», «Руны — практика», «Сны — дневник», «Контакты — сущности».

В разделе «Контакты» появилась запись: «Эмилия — назвалась представителем цивилизации 11-й плотности. Говорит, что наблюдает за мной. По ощущениям — нейтральна, возможно, доброжелательна. Даёт подсказки через сны и синхронистичности».

Он не знал, верить ли в цивилизации и плотности. Но чувствовал, что за этим стоит что-то реальное. Не галлюцинация, не самовнушение — слишком чётко работали подсказки. Стоило ему задуматься о значении очередной руны, как на полке в книжном магазине вдруг находилась нужная книга. Стоило засомневаться в правильности вырезанного символа — приходил сон, где дед показывал правильные пропорции.

— Ты думаешь, это совпадения? — спросил дед.

— Нет, — ответил Михаил. — Я думаю, это доказательство.

— Чего?

— Что я не один.

Глава 8. Дорога

Пятой была Райдо — руна пути. Время, движение, колесо, которое вращается неумолимо.

Михаил вырезал её в тот день, когда решил уехать из города. Не навсегда — на месяц. Снять дом в деревне, где никто не будет мешать, где можно полностью погрузиться в практику. Дед одобрил:

— Хорошо. Ты начал понимать, что путь требует движения. Не физического — душевного. Пока ты в городе, ты привязан к прошлому. Когда уезжаешь, освобождаешься.

Дом нашёлся в трёх часах езды от города — заброшенная дача дальней родственницы, которой не было дела до наследства. Три комнаты, печка, колодец во дворе. И тишина. Такая глубокая, что уши закладывало.

В первую ночь Михаил не спал. Сидел на крыльце, смотрел на звёзды и думал. О том, как быстро изменилась жизнь. Два месяца назад он был обычным программистом с обычными проблемами. Сейчас он — колдун, активирующий руны, разговаривающий во сне с дедом и сущностью из одиннадцатой плотности. Если бы кто-то рассказал ему это ещё в январе, он бы покрутил пальцем у виска.

Но сейчас он знал: это правда.

Потому что держал в руках деревянные пластинки, которые пульсировали теплом. Потому что видел ауры прохожих в городе. Потому что мог заставить ветер изменить направление лёгким движением пальцев. Потому что внутри горел огонь, который не мог потушить никто, кроме него самого.

— Это только начало, — сказала Эмилия, появившись рядом с ним на крыльце. Не золотистым силуэтом — обычной женщиной в длинном платье, с пепельными волосами и глазами, в которых отражались все звёзды сразу.

— Ты пришла, — сказал Михаил.

— Ты пригласил. Своим выбором. Твоя вера стала достаточно сильной, чтобы я могла говорить с тобой напрямую, не через сны.

— Зачем?

— Чтобы ты знал: ты не один. Мы — кураторы, наставники, те, кто стоит за линией, — мы с тобой. Всегда были. Просто ты не слышал.

— А теперь слышу.

— Теперь слышишь, — подтвердила Эмилия. — Потому что Райдо открыла тебе время. Ты начал чувствовать поток. Ритм. Ты перестал быть пассажиром и стал пилотом.

Она улыбнулась, и в её улыбке не было ничего сверхъестественного — только усталая нежность матери, которая долго ждала звонка от взрослого сына.

— Не сдавайся, — сказала она. — Впереди ещё девятнадцать рун. Каждая сложнее предыдущей. Но ты справишься. У тебя есть всё, что нужно.

— И что же?

— Кровь. Память. Сердце. И страх, который ты научился превращать в силу.

Она исчезла, и Михаил остался один под звёздами. Руна Райдо, вырезанная на свежей деревянной пластинке, нагрелась у него на груди.

Он закрыл глаза и в темноте увидел дорогу. Бесконечную, уходящую за горизонт. Он сделал первый шаг.

За ним — второй.

Эпилог. И только начало

Через два месяца Михаил вернулся в город. Никто не заметил изменений — соседи, бывшие коллеги, случайные знакомые. Для них он всё ещё был тихим программистом, который когда-то уволился, уехал в деревню, а теперь вернулся с подозрительным спокойствием в глазах.

Но Михаил знал. Знания, полученные за эти недели, изменили его навсегда. Он не просто знал руны — он чувствовал их. Каждая из семи освоенных — Феху, Уруз, Турисаз, Ансуз, Райдо, Кеназ, Гебо — жила в нём отдельной гранью сознания. Он мог включать их как программы, менять своё состояние по желанию.

Сила духа. Жизненная сила. Решимость. Знание. Путь. Внутренний свет. Партнёрство.

Он стал тем, кого боятся и кому поклоняются. Тем, кто видит нити судьбы и может их переплести. Тем, кого древние называли колдуном.

В ту ночь, когда он вернулся в свою квартиру, ему приснился самолёт. Но не тот, маленький, одномоторный, как раньше. Огромный лайнер, полный пассажиров. Михаил шёл по проходу к кабине пилотов, и люди провожали его взглядами — кто с надеждой, кто со страхом, кто с завистью.

Он вошёл в кабину. Два кресла — для пилота и второго пилота. Кресло пилота было пусто. Второе занимала Эмилия.

— Присаживайся, капитан, — сказала она. — Курс — на будущее.

Михаил сел, взялся за штурвал. За иллюминатором было темно, но он знал, куда лететь. Ему подсказывали руны.

— Взлетаем, — сказал он.

Самолёт дрогнул, оторвался от земли и пошёл вверх, разрезая облака.

А внизу, в городе, остались те, кто никогда не узнает правды. Но это и не важно.

Колдун проснулся.

Роман только начинается.

Конец первой части.

Колдун. Путь рун

Часть вторая. Девять миров внутри

Глава 9. Дар и жертва

Возвращение в город оказалось тяжелее, чем Михаил ожидал.

Семь рун — это много. Семь граней сознания, семь источников силы, семь голосов, которые теперь звучали в голове постоянно. Феху шептала о праве и достоинстве. Уруз толкала в спину, требовала действия. Турисаз жёстко отсекала чужое, не позволяла сомневаться. Ансуз сыпала информацией, фактами, догадками. Райдо заставляла чувствовать время — каждую секунду, каждую минуту, как тяжёлый груз. Кеназ освещала тени внутри, показывала то, что он хотел бы спрятать. И Гебо — руна партнёрства, седьмая по счёту — напоминала о балансе.

— Ты слишком много взял, — сказал дед в первую же ночь после возвращения. — Семь рун за два месяца — это безумие. Нужно время, чтобы они улеглись. А ты уже в городе, среди людей, среди их эмоций, их желаний. Они будут давить.

— Я справлюсь, — ответил Михаил.

— Справишься? Ты не знаешь, с чем имеешь дело. Гебо — это не просто «партнёрство». Это руна энергообмена. Каждый раз, когда ты с кем-то говоришь, ты отдаёшь и получаешь. Раньше ты делал это неосознанно. Теперь — осознанно. И каждый контакт будет отзываться в тебе. Ты готов к этому?

Михаил не был готов. Но уже поздно было отступать.

Первые дни после возвращения прошли в попытках наладить быт. Он снял небольшую студию на окраине — подальше от суеты центра, поближе к парку. Руны лежали в мешочке из чёрной кожи, который он носил на поясе. Иногда он доставал одну, сжимал в ладони, настраивался. Но городское электромагнитное поле, чужие ауры, вечный шум — всё это мешало.

Однажды вечером, сидя в кафе, он почувствовал чужой взгляд. Острый, цепкий, как коготь. Он поднял голову — напротив, через два столика, сидела женщина лет сорока, в тёмной одежде, с короткой стрижкой. Она не скрывала, что смотрит на него. В её глазах не было страха или любопытства — было узнавание.

Она знала.

Михаил опустил взгляд, сделал глоток кофе. Когда снова посмотрел — женщина ушла, оставив на столике салфетку с нарисованным знаком. Знак был ему знаком — руна Отала. Наследство, дом, границы. Двадцать третья в Футарке.

— Ты видел её? — спросил он деда в ту ночь.

— Видел. И она видела тебя. Она — одна из нас. Колдунья. Старая, опытная. Но не жди от неё помощи. Такие, как она, не помогают. Они проверяют.

— Что ей нужно?

— Узнать, кто ты. Слаб или силён. Друг или враг. Она вернётся.

Михаил ждал. Женщина не появлялась ни на следующий день, ни через неделю. Но знак Оталы преследовал его — он начал замечать её руны в странных местах: на рекламном щите, в трещине на асфальте, в узоре замерзшего окна.

Восьмой руной Футарка была Вуньо — радость. Михаил долго думал, прежде чем начать работу с ней. Вуньо казалась слишком лёгкой после суровой Гебо. Но дед предупредил:

— Не обманывайся. Радость — это тоже сила. Умение радоваться даже в темноте. Если ты потеряешь эту способность, руны станут проклятием, а не даром.

Михаил вырезал Вуньо в день зимнего солнцестояния. Сидел на балконе своей студии, смотрел, как город затягивает серый вечер, и думал о том, чему он может радоваться сейчас. Ответ пришёл не сразу. Свобода? Да, он свободен. Дар? Он получил то, о чём другие могут только мечтать. Риск? Он выбрал этот путь сам.

Когда руна окрасилась его кровью, Михаил почувствовал странное облегчение — как будто с души сняли тяжёлый камень. Впервые за несколько недель он улыбнулся. Просто так. Без причины.

Глава 10. Тень

Вуньо дала ему передышку, но ненадолго.

Девятая руна, Хагалаз — град, разрушение, стихия. Её называли «матерью всех рун», потому что она содержала в себе потенциал любой другой. Но потенциал разрушения.

Михаил готовился к Хагалаз целую неделю. Читал, медитировал, пытался понять, что именно должно разрушиться в его жизни. Ответ пришёл сам — в виде письма от бывшей девушки.

«Миша, я не знаю, что с тобой происходит. Но твоя мама перед смертью просила меня кое-что тебе передать. Она сказала: «Если Миша начнёт искать, отдай ему это. Я хотела сжечь,

но не смогла. Пусть будет». Я долго не решалась. Но вчера мне приснилась твоя мать. Она сказала, что время пришло».

В конверте был старый ключ и клочок бумаги с адресом. Бабушкин дом в деревне — не тот, где прошло детство, а другой, дальний, в лесу. Тот самый, о котором говорили шёпотом: «Лес его забрал».

Михаил поехал на следующий же день.

Дом стоял на отшибе, в полукилометре от ближайшей деревни. Его не было видно с дороги — только узкая тропа, заросшая малинником, вела к нему. Крыша просела, окна заколочены, но замок на двери был новым — кто-то бывал здесь.

Ключ подошёл.

Внутри пахло пылью и сушёными травами. Стены были увешаны старыми фотографиями — бабушка, дед, какие-то люди в странной одежде. В углу стоял сундук, окованный железом. Михаил открыл его — внутри лежали вещи, которых он никогда не видел: ритуальный нож с рунической вязью на лезвии, чётки из волчьих зубов, несколько толстых тетрадей в кожаных переплётках и маленький мешочек с чем-то тяжёлым.

Он взял тетради. Это были дневники деда.

«Если ты это читаешь, значит, ты пошёл по пути. Боюсь, что так и будет — кровь не обманешь. Я не хотел для тебя такой судьбы. Но если ты уже здесь, слушай: Хагалаз убьёт всё, что ты считал собой. Твою личность, твои привычки, твои привязанности. Но это не смерть — это очищение. Не сопротивляйся. Дай граду идти. После него придёт лед — Иса. А после льда — время. Йера. Двенадцатая руна — колесо года. Если дойдёшь до неё, считай, что выжил».

Михаил закрыл тетрадь. Рука дрожала. Он думал, что после семи рун самое страшное позади. Оказывается, только начиналось.

Глава 11. Град

Хагалаз он активировал в доме деда, при свете свечи. Когда руна окрасилась кровью, дом содрогнулся — пол задрожал, с полок посыпались банки. Михаил замер, ожидая катастрофы.

Но катастрофа пришла не снаружи — изнутри.

Его сознание расколосось. Не в переносном смысле — буквально. Он чувствовал себя так, будто его разорвали на части. Воспоминания, убеждения, привычки, страхи, желания — всё, что составляло «Михаила», перестало быть единым. Он видел себя со стороны: мальчик, которого били в школе; подросток, который не решался подойти к девочке; студент, зубрящий ненавистную математику; взрослый, который боялся уволиться с нелюбимой работы.

Все эти «я» кричали, спорили, требовали внимания. А где-то глубоко, под всем этим хаосом, был кто-то ещё. Тихий. Спокойный. Который просто смотрел.

— Тот, кто смотрит — это ты настоящий, — услышал он голос деда. — Остальное — маски. Хагалаз срывает их. Не цепляйся.

Три дня Михаил не мог ни есть, ни спать. Он сидел на полу в доме деда, перебирал старые фотографии, читал дневники, плакал — впервые за много лет. Потом смеялся. Потом снова плакал.

На четвёртый день он проснулся утром и понял: он больше не тот, кем был. Не «программист Михаил», не «бывший чей-то парень», не «сирота из деревни». Он — просто Я. Точка. Пустота. Возможность.

И в этой пустоте родилась новая руна — Иса. Лёд.

Иса была холодной и тихой. Она замораживала всё, что шевелилось, успокаивала, останавливала время. Михаил активировал её сразу после Хагалаз — дед писал, что их лучше делать вместе, иначе разрушение может оказаться фатальным.

Иса пришла как спасение. Хаос внутри утих, осколки собрались в новую форму — не ту, что была раньше, а другую, более цельную. Михаил чувствовал себя заново рождённым. Или, точнее, заново собранным.

— Ты готов к Йере? — спросил дед во сне.

— Готов, — ответил Михаил.

Но он ошибался.

Глава 12. Год и один день

Йера — двенадцатая руна — означала цикл, урожай, завершение. Чтобы активировать её, нужно было провести в доме деда ровно один год и один день. Михаил не думал, что это возможно — у него были деньги, но не бесконечные. Однако через три дня после Хагалаз пришёл ответ от женщины из кафе.

Она позвонила. Назвалась Надеждой.

— Я знаю, где ты, — сказала она. — И знаю, что ты задумал. Один год в лесу — это серьёзно. Деньги есть?

— Хватит на полгода, — признался Михаил.

— Значит, не хватит. Я помогу. Но не за просто так. Через год, когда ты закончишь Йеру, ты должен будешь выполнить одно моё поручение.

— Какое?

— Узнаешь. Оно не против твоей воли. Скорее... наоборот. Ты сам захочешь это сделать. Сейчас не спрашивай.

Михаил думал три дня. Потом согласился. Надежда перевела деньги — ровно столько, сколько нужно на год безбедной жизни. Ни копейкой больше.

И начались месяцы тишины.

Он вставал с рассветом, вырезал по одной руने в неделю — Йера, потом Эйваз (опора), потом Перт (тайна), потом Альгиз (защита), потом Совило (солнце). Каждая требовала полного погружения. Он почти не разговаривал — только с дедом во сне и изредка с Надеждой по телефону.

Лес вокруг дома жил своей жизнью. Зимой снег засыпал тропинки, и Михаил учился ходить по сугробам босиком — так велела руна Иса. Весной талые воды подтопили погреб, и он откачивал их вёдрами, повторяя про себя Лагуз — руну потока. Летом над домом кружили чёрные вороны, и он знал — это Хагалаз напоминает о себе.

Он менялся. Внешне — отпустил бороду, похудел, оброс. Внутренне — превратился в кого-то, кого он сам едва узнавал. Страхи ушли. Желания стали простыми и ясными. Он больше не хотел быть богатым, знаменитым, любимым. Он хотел знать.

Пятнадцатая руна — Альгиз — далась тяжелее всего. Она требовала защиты. Но защитить нужно было не тело — душу.

В ту неделю Михаилу приснился страшный сон: он стоял на краю пропасти, а из темноты тянулись руки, хотели столкнуть. Он не сопротивлялся — просто стоял, смотрел вниз. И тогда одна из рук, белая, светящаяся, легла ему на плечо.

— Это экзамен, — сказала Эмилия. — Ты не упал. Ты выстоял.

— Кто были те руки? — спросил он.

— Твои собственные страхи. Твои прошлые воплощения. Те, кто не смог пройти этот путь. Они пытались утянуть тебя за собой.

— Но я не дался.

— Ты выбрал защиту. Не стену — свет. Альгиз — это не щит, это способность быть светом. Тьма отступает перед тем, кто не боится.

Он проснулся с руной в руке. Альгиз светилась — буквально, едва заметным золотым свечением.

— Теперь ты колдун, — сказал дед. — Настоящий. Осталось девять рун. Они самые сложные. Но ты справишься.

Михаил посмотрел на календарь. До конца года оставалось четыре месяца.

Глава 13. Совило

Шестнадцатая руна — Совило, солнце, победа, целостность.

Он активировал её в день летнего солнцестояния. Стоял на крыше дома, подставив лицо лучам. Дед учил: «Совило не вырезают — её рисуют золотой краской на лбу, на груди, на ладонях. Она — внутри. Ты просто вспоминаешь её».

И он вспомнил.

В тот миг, когда солнце достигло зенита, Михаил почувствовал, как тело наполнилось светом. Не теплом — именно светом. Прозрачным, плотным, живым. Он видел себя изнутри — каждую клетку, каждый капилляр, каждую нить ДНК. И на этих нитях, в тех самых «мусорных» участках, о которых говорил дед, загорались одна за другой спирали. Не две — двенадцать.

— Это твоё наследие, — сказала Эмилия, появившись рядом. — Код. Программа. Ты был запрограммирован на пробуждение. Активировал Совило — и все системы запустились.

— Что теперь? — спросил Михаил. Голос звучал странно — как будто говорил не он, а кто-то внутри.

— Теперь ты видишь. По-настоящему. Попробуй.

Михаил открыл глаза. Мир изменился — он стал ярче, объёмнее, детальнее. Он видел линии — энергетические, которые пронизывали землю, воздух, деревья, его собственное тело. Он видел ауру леса — огромную, дышащую, зелёно-золотую. И он видел себя — не человека, а световой столб, уходящий в небо.

— Совило — это солнечный луч, — сказал дед. — Теперь ты сам стал лучом. Помни об этом, когда будет темно. Ты можешь зажечь свет в любом мраке. Даже внутри себя.

Михаил спустился с крыши. Руны, все шестнадцать, лежали в мешочке на поясе. Они больше не казались ему чужими. Они были его пальцами, его зубами, его дыханием.

Он взял Тейваз — семнадцатую руну, руну воина. Имя говорило само за себя.

— Теперь ты должен сражаться, — сказала Надежда, когда он позвонил ей в тот же вечер. — Не с людьми. С тьмой.

— С какой тьмой?

— Которая скоро придёт. Ты не один такой, Михаил. В этом мире есть и другие колдуны. Некоторые из них выбрали не свет, а силу. Они возьмут то, что ты получил, если ты не будешь готов защищать.

— Они знают обо мне?

— Уже знают. Руны — это маяк. Ты зажжёшь Совило — тебя увидели. Готовься.

Она положила трубку. А через три дня к дому деда вышли из леса трое.

Глава 14. Воин

Тейваз научила его не драться — она научила его не отступать.

Трое были мужчинами и женщиной. Они не скрывали, кто они — в их аурах читалась сила. Не та, что у Михаила — солнечная, плотная. Другая: серая, липкая, с привкусом страха.

— Колдуны на крови, — сказал дед. — Те, кто взял силу, не заплатив. Они не прошли путь рун — они украли знание у других. Они опасны.

Михаил вышел на крыльцо. Босиком, без оружия, только мешочек с рунами на поясе.

— Чего вы хотите? — спросил он.

Женщина, высокая, с длинными чёрными волосами, усмехнулась:

— Ты новенький? Светишься как новогодняя ёлка. Мы хотим то, что ты взял не по праву. Отдай руны — и мы уйдём.

— Я взял их по праву. По праву крови, по праву пути. Вы не получите их.

— Тогда мы заберём их силой.

Она сделала шаг вперёд, и воздух вокруг неё замерцал. Михаил почувствовал давление — как тогда, в первые дни, когда давил страх. Но теперь он знал, что делать. Он взял руну Тейваз, сжал в кулаке, и из груди вырвался свет.

Не яркий, не ослепляющий — ровный, золотистый, как закатное солнце. Свет коснулся троих, и они отшатнулись. Женщина зашипела, прикрывая глаза.

— Уходите, — сказал Михаил. — Я не хочу войны. Но если вы вернётесь, я буду защищать то, что мне принадлежит.

Они ушли. Но Михаил знал — это только первая встреча. Те, кто за ними, сильнее. И они обязательно вернуться.

У него оставалось восемь рун. И полгода, чтобы освоить их.

Но он был воином. Он был Тейваз.

И он не боялся.

Конец второй части

Колдун. Волшебная книга и кулон

Часть третья. Наследие предков

Глава 15. Тайник

После ухода троих колдунов Михаил долго сидел на крыльце, сжимая в руке руну Тейваз. Свет внутри ещё пульсировал, но уже слабее, возвращаясь в привычное состояние. Он понимал: это было только предупреждение. Настоящая битва впереди.

— Ты не можешь оставаться здесь, — сказал дед во сне. — Они знают, где ты. Им известно о доме. Ты должен найти то, что твой отец спрятал.

— Какой отец? — удивился Михаил. — Он ушёл, когда мне было три.

— Ушёл не просто так. Он знал, что за ним охотятся. Он оставил тебе наследство — не деньги, не землю. Книгу. И кулон. Они спрятаны там, где ты никогда не догадаешься искать. В городе. В твоей старой квартире.

— Но там живут другие люди.

— Это неважно. Книга не в физическом пространстве. Она в подпространстве между стен. Ты сможешь её увидеть только теперь, когда Совило пробуждена. Иди.

Михаил собрался за час. Руны — в мешочек, дневники деда — в рюкзак, немного еды. Дом он закрыл, но не на ключ — на заклинание, которому научила его руна Альгиз. Просто провёл пальцем по косяку, представляя световую нить, которая оплетает дверь, окна, стены. Теперь любой, кто попытается войти, встретит преграду.

Он вернулся в город на попутке. Старая квартира на улице Ленина — хрущёвка на первом этаже, где прошли его юношеские годы. Сейчас там жила семья с двумя детьми. Михаил не собирался тревожить их. Он пришёл ночью, когда все спали.

Встав у стены, разделявшей кухню и ванную, он закрыл глаза. Совило внутри откликнулась — золотой свет растёкся по телу, достиг кончиков пальцев. Михаил провёл ладонью по стене.

И почувствовал.

Там, внутри, между слоями кирпича и штукатурки, было пустое пространство. Не физическое — энергетическое. Карман. Тайник, созданный рунами много лет назад.

Он просунул руку в стену, как в воду. Пальцы нащупали что-то твёрдое, кожаное, холодное. Он вытащил.

Это была книга.

Большая, в переплёте из чёрной кожи, с бронзовыми углами и замком. На обложке — руны, которые он узнал: Феху, Уруз, Турисаз, Ансуз. Четыре первых ключа. Замок открылся от одного прикосновения — внутри не было бумаги.

Там был камень.

Тонкая, как лепесток, пластинку из тёмного, почти чёрного камня, на котором светились золотые знаки. Михаил поднёс книгу к глазам — знаки двигались, перетекали, складывались в слова, которые он не понимал, но чувствовал смысл.

«Тот, кто читает эту книгу, не должен читать её глазами. Смотри сердцем».

— Кулон, — напомнил дед. — Он должен быть рядом.

Михаил снова запустил руку в стену, нащупал цепочку и вытянул. Кулон оказался небольшим — серебряный круг, в центре которого вращался рунический знак, менявший форму: сейчас это была Гебо, через секунду — Вуньо, потом — Хагалаз. Он жил своей жизнью.

— Надень, — приказал дед.

Михаил повесил кулон на шею. И в тот же миг книга в его руках открылась.

Каменные страницы больше не были камнем — они стали жидким светом, который лился в его руки, в грудь, в голову. Знания приходили не словами — образами, ощущениями, воспоминаниями, которые не были его собственными.

Он увидел деда молодым, стоящим у костра в окружении таких же колдунов. Увидел, как они вырезали руны на дереве, на камне, на собственной коже. Увидел битву — не с людьми, с тенями, вылезшими из трещины в земле. И увидел, как один из колдунов, его дед, закрыл эту трещину ценой своей свободы.

— Он не умер, — понял Михаил. — Он запечатал разрыв и остался там, по ту сторону.

— Да, — ответил голос не деда — самой книги. — И теперь ты должен решить: освободить его или сохранить печать.

Глава 16. Хранительница

В ту же ночь к нему снова пришла Надежда.

Она ждала его у подъезда, опираясь на старую трость. В свете фонарей её лицо казалось высеченным из камня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.